

О СМЕХЕ И О ПОШЛОСТИ¹

Я не могу не отнестись с глубоким сочувствием к тем выводам, к которым Марк Криницкий привёл нас в своей лекции. Мне близки и та смелость гуманного чувства, с которой он выступил на защиту «пошлого человека», и та дерзкая парадоксальность, с которой он напал на признанных мастеров смеха. Но сочувствуя Марку Криницкому и во многих положениях будучи с ним согласен, я хотел бы подойти к этим вопросам с иной, более общественной стороны.

Я не стану касаться литературных нападок лектора, я остановлюсь только на основном вопросе доклада: что такое смех и в чём его значение?

Уже десять лет назад появилась одна замечательная книга, посвященная исследованию законов комического, написанная одним из величайших мыслителей нашего времени – французским философом Бергсоном².

Бергсону, первому из писавших о происхождении смеха, удалось сформулировать и доказать целый ряд теорем о комическом, покрывающих собою всё доселе написанное о смехе, начиная с Дарвина и Спенсера и кончая Рибо и Геймансом.

(Логическая путаница понятий) по Брюсову. Субъективная настроенность наблюдателя по М. Криницкому. «Кого мы любим, над тем не смеёмся» (Криницкий). «Над кем посмеёмся, того и любим» (Достоевский).

Свойства смеха по Бергсону:

1) Смех исключительно человеческая способность. Единый из всех зверей – человек смеётся.

2) Смеху свойственна бесчувственность, равнодушие к тому, над чем смеются. «У смеха нет врага большего, чем эмоция (чувство)». «Комическое, чтобы произвести весь свой эффект, требует хотя бы мгновенной анестезии сердца. Оно обращается только к пониманию»³. Поэтому М. Криницкий прав, говоря: «Кого мы любим, над тем не смеёмся». Но не забудем и слов Достоевского: «Над кем посмеёмся, того и любим».

¹ Текст представляет собою конспект выступления Волошина в качестве оппонента на публичной лекции Марка Криницкого «В защиту пошлого человека», прочитанной в Большой аудитории Политехнического музея (Москва) 24 февраля 1911 г. Помимо Волошина, лектору оппонировали литературный критик Н. Я. Абрамович и секретарь Московского Литературно-Художественного кружка журналист П. К. Иванов. Основную часть своего реферата Криницкий выслал Волошину из Рязани 9 февр. 1911 г., сообщая в сопроводительном письме: «То, что будет мною дополнено на лекции, не так существенно, а именно – мои взгляды на историю и образование слов, разъяснение понятия романтизм в его двух видах (фантастический – сказки Гофмана и идеалистический – герои Шиллера). Не откажите о Вашем решении уведомить устроительницу моей лекции Лидию Сергеевну Горохову» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1077). В архиве Волошина сохранилось также недатированное письмо П. К. Иванова с предложением заехать сегодня «поговорить о завтрашнем реферате Криницкого»: «У меня будет Абрамович. Кстати, Криницкий прислал мне сегодня из Рязани дополненный текст своей лекции» (Там же, ед. хр. 583).

² Книга Анри Бергсона «Смех», написанная в 1899-1900; вышла в русском переводе в 1901 под заглавием «Смех в жизни и на сцене».

³ Цитата из гл. 1-й (раздел 1) книги Бергсона «Смех». Ср. в переводе И. Гольденберга: Бергсон Анри. Собр. соч. Т. 5. СПб.: Изд. М. И. Семенова, 1914. стр. 98.

3) Смех требует общности. Он не может существовать одиноким. Он нуждается в отголосках. Но он всегда замкнут в определённом круге. Смех – это всегда смех определённой общественной группы.

«Комическое рождается тогда, когда люди, соединённые в известную группу, обратят всё своё внимание на одного находящегося между ними, заставив молчать свою чувствительность и обостряя только свое понимание».⁴

Что смешно?

Смешна механическая негибкость в тех случаях, когда мы вправе ожидать гибкости внимания, ловкости. Поэтому смешна всякая неловкость: например, человек, упавший на улице. Все случаи, где человек может представиться на мгновение неодолеваемой вещью. Это внешние случаи, вызывающие в толпе произвольный идиотский смех. Более сложным явлением комического являются поступки рассеянного человека, который носит причины своей негибкости в самом себе. Определённая идея, которой занят его ум, делает механическим его отношение к текущему мгновению.

Известные пороки или страсти, доведенные до моноomanии (например, скупость), являются такою причиной негибкости характера. Что является обычной канвой комедий.

Смех – явление исключительно общественного характера. Всякая негибкость мысли, организма, характера становится подозрительна обществу, потому что она является возможным признаком усыпления бдительности, а также объединения деятельности, которая стремится отделиться оттого общего центра тяжести, вокруг которого группируется общество, одним словом, эксцентричности. И между тем общество здесь не может еще прибегнуть к материальной репрессии, потому что материально оно не затронуто. Оно в присутствии чего-то, что тревожит его, но лишь в качестве симптома, это еще не угроза – это только жест. И общество отвечает жестом же. Смех – это общественный жест.⁵

Мы не станем следовать за Бергсоном в его дальнейшем анализе комических жестов и положений. (В своей книге он вскрывает с глубокой пронизательностью и мастерством все основные пружины современной комедии и классифицирует их).

Для нас важно сейчас только утверждение того, что смех есть явление общественного характера.

Смех подразумевает известную общественную группу, охраняющую те устои, на которых она держится. Там, где есть смех, мы вправе искать известного социального утверждения, охранительства, консерватизма. По самому своему существу смех консервативен. Смешным может быть то, что не похоже на существующее. Без известного всеми признанного критерия существующего смех возникнуть не может. Великие комические авторы всегда консерваторы в общности: пример Аристофан, Мольер.⁶

⁴ Цитата из той же главы (раздел 1). Ср.: Там же. Стр. 100.

⁵ Краткий пересказ положений Бергсона из той же главы (раздел 11). Ср.: Там же. С. 100-106.

⁶ *Далее зачеркнуто:* Эту охранительную особенность смеха Марк Криницкий упустил из вида. Он дал только одно из логических последствий её, не объясняя самого истока.

Идеализм – только один из видов общественного строительства.⁷

Посредством идеалов и воли, к ним устремленной, намечаются пути дальнейшей эволюции личности. Формула идеализма: «Ты есть лишь то, что ты мыслишь. Мысли же себя божественным».⁸ Будь как лавина ... Идеал естественно становится тем центром, к которому тяготеет известный круг людей, и всё, угрожающее этому ещё не осуществленному в реальностях, но уже существующему в волях строю подвергается естественно осмеянию. Здесь возможно столкновение разных групп: смех против смеха. Аристофан, охраняя строй старых Афин, высмеивает Сократа как идеалиста,⁹ а Сократ во имя новых нравственных идеалов, в кругу тех, для кого они уже стали идеальной действительностью, высмеивает окостенелости старого афинского строя. Но по существу и тот и другой смех одноценны: это протест общества, существующего исторически или идеально долженствующего быть, против всего того, что не тяготеет к его центру. Общество смеется над отщепенцами. Но если эти оба смеха и равноценны, то все же содержания их глубоко различны.

Общество исторически сложившееся смеется над тем, что выходит из его рамок, – над каждой эксцентричностью: будь это эксцентричность нового костюма (пример: те насмешки, которыми встречена во Франции новая мода: женские шаровары) или эксцентричность нового течения искусства, новые формы живописи, новые формы литературы. Для общества смешно всё, что не похоже на старое. Этот смех в большинстве случаев поверхностен.

Мне случалось видеть русских, очутившихся в первый раз за границей, которые на все новые впечатления реагировали смехом и, видя какое-нибудь новое несходство в формах жизни с теми, к которым они привыкли, говорили: «Вот дураки!»

Это самая примитивная степень смеха, охраняющего исторические устои общества. Но на высоте этого же смеха стоят великие комические поэты: Аристофан, Мольер. Их смех так громаден, разнообразен и вмещает в себе все оттенки комического, так как он основан на общественном мнении. Центр тяготения всеми признан, крепок и незыблем. Сократ для Аристофана так же эксцентричен, как «Ученые женщины» для Мольера.¹⁰

Но если для общества, существующего исторически, смешна эксцентричность, то для общества, *долженствующего быть в идеале*, смешна *пошлость*. Но смех идеалистов никогда не может иметь той убедительной самоуверенности, как смех защитников существующего строя. У него нет того общепризнанного центра, по отношению к которому определяется степень смешного. Такой центр может быть создан идеалистами условно. Ему надо придать лирическую убедительность. Это изменяет самый характер смеха. Из простой насмешки он становится иронией, юмором, сарказмом. В этом смехе уже нет удовлетворенности. Он бичует, негодует. Он борется против всякой косности.

⁷ *Притиска карандашом на полях*: Найти самого себя в неизмеримой нищете возможного...

⁸ Ср. слова Мастера Януса из драмы Вилье де Лиль-Адана «Аксель» (третья часть «Мир оккультный») в переводе Волошина: «Ты – лишь то, что ты мыслишь, мысли же себя вечным» (Т. 4 наст. изд. Стр. 190).

⁹ Пародийный образ Сократа воссоздан Аристофаном в комедии «Облака» (423 до н.э.).

¹⁰ Комедия Мольера (1672).

Его убедительность зависит исключительно от силы и от глубины её лиризма той индивидуальности, оружием которой является смех. Этот смех тоже охранителен, как и первый. Только он охраняет идеал маленькой группы, против всего общества. И можно себе представить, что если этой группе удастся сделаться ядром нового общественного строя, то этот же самый смех иронии и сарказма незаметно и естественно превратится в самодовольный хохот первого типа.

Итак, смех общества клеймит *эксцентричность*, смех индивидуальности клеймит *пошлость*. В этом противуположении не трудно узнать одну из основных антиномий человеческой души: антиномию гения рода и гения индивидуальности; вечное противуположение двух систем сознания: интуитивного, [женского] сознания, движущего гений рода, и логического, понимающего – [мужского] сознания. Сознание индивидуальное сверкает, идет вперёд взрывами, прерывно. Гений рода работает постепенно (тупоумие).

Что же такое *пошлость*? М. Криницкий имел тенденцию рассматривать пошлость как нечто объективно существующее. Мне думается, что это не так.

Я бы определил понятие пошлости так:

Этим именем художники обыкновенно называют то, что ещё недавно было завоеванием и достоянием гения индивидуального, но уже начинает становиться собственностью масс; то, что еще только что было исключительным и уже становится общепринятым.

Клеймления именем пошлости – это протест личности против того медленного процесса общественного пищеварения, который молнию сознания претворяет в слепой инстинкт.

Но вообще имя пошлости применяется только к самому началу этого органического и неизбежного процесса, потому что как только этот процесс усвоения обществом истин, добытых индивидуальным сознанием, переходит в глубину бессознательного, как только исчезает контраст близкого и непосредственного сопоставления двух ликов истины – чистого и замутненного, как обида по отношению к органическому процессу падает.

Ярче всего этот момент сказывается, конечно, в области *вкуса* и *моды*. Что ещё вчера было изысканно и редко, сегодня уже захватано руками и стало пошлостью, что было живым и оригинальным, стало слепым подражанием. Позже внутренний инстинкт общественного строительства отберёт полезное и важное от случайно-индивидуального и на месте «пошлости» выявится историческая мудрость. Но это не мешает реальному существованию гневного отвращения к пошлости, которое свойственно каждому живому и творящему художнику. Это чувство свидетельствует только об силе и об росте индивидуального сознания. Пошлости конкретно не существует; поступательное движение индивидуального гения, как химический реактив, выделяет всё косное и называет его пошлостью. Отсутствие же понятия пошлости свидетельствует только о преобладании интуитивного исторического процесса в данном обществе.

Так понятие пошлости может быть свойственно только нашей – Европейской культуре, основанной на индивидуальном процессе понимания, и совершенно неприложимо, например, к Китаю.

Точно так же, как не может возникнуть сам по себе никакой новый грех, а является только показателем новых более высоких моральных требований, так же точно и распространение пошлости является лишь симптомом усиленного умственного прогресса.

Где нет развития индивидуальности, там нет и пошлости.

Моя цель вовсе не возражения Марку Криницкому по существу: я хочу только поставить различные понятия на их места.

Я совершенно согласен с его выводами и с его требованиями. Я согласен с тем, что «поэзия будущего не будет поэзией обличения, но поэзией беспристрастного исследования», что «наступит упадок вкуса к литературе, культивирующей героизм и высмеивающей пошлость». Всё это, вероятно, так и будет, потому что современный человек исполнен духа пытливого исследования и любопытства. Законы мышления интуитивного и органические процессы сознания, с ними связанные, начинают приобретать жгучий интерес для индивидуального понимания. Это, конечно, не уничтожит той исконной несовместимости, той враждебности, которая существует между индивидуальным и родовым, потому что в этой безысходной непримирённости и лежит та жизненная сила, которая двигает человеческое сознание, но даст новые углубления и по-новому оплодотворит индивидуальный гений.

Искусство обладает более тонкими и острыми орудиями наблюдения, чем наука, и, намечая свои пути менее сознательно, всё же почти всегда предваряет науку, являясь для неё отчасти разведчиком и путеводителем; с этой стороны мечта о «научной поэзии», о которой так много теперь говорят во Франции, пожалуй, осуществима. И конечно, поскольку такое искусство будет «исследовать», постолько оно будет чуждо смеха и юмора, и сарказма.

Но как только в руках исследователей скопятся ценности, для них важные и священные, как только эти ценности начнут подвергаться опасности со стороны общества, тогда тотчас же в виде самозащиты появится смех, сперва иронический, потом при возрастании опасности ирония перейдёт в сарказм, а после победы станет юмором.

Смеха нет только там, где есть только одно чистое человеческое «я», замкнутое в самом себе, но как только это «я» становится в какие бы то ни было живые отношения к обществу, возникновение смеха – неизбежно.

* * *

- Печатается впервые по черновому автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 280, л. 1-7 авторской нумерации). Там же (л. 8-17) выписки (из книги А. Бергсона «Смех» – л. 9-14), заметки, конспекты, относящиеся к затрагиваемой теме:

«Смех (Бергсон).

Его свойства:

- 1) Смешно только то, что имеет отношение к человеку.
 - 2) Нечувствительность и равнодушие – его необходимые свойства.
 - 3) Смех возникает в известном замкнутом круге.
- I. Окостенение сознания: человек, который падает, рассеянный, Дон Кихот.

II. Окостен<ение> характера: порок в комедии приходит извне и налагает свои рамки на персонаж. (В драме встает из глубины личности.) Порок становится одной из ниток, которыми дергают марионеток. <Л. 8>

Наша логика – логика вещей твердых и непроницаемых, говорит Бергсон. Логика вещества.

Дьявол – великий логик: потому что он дух материи. На логической почве мы не можем состоять с ним – он сильнее нас. Но из области логики у нас есть выходы: интуиция, вера ... <Л. 15>

Форма – это вещество, проникнутое духом. От внутренней работы распятого в веществе духа создаются формы. Совершенная форма – это крайняя ступень инволюции (свития). Совершенная форма в искусстве – это тот момент, с которого начинается самостоятельная восходящая к духу жизнь произведения – процесс понимания.<Л. 16>

Построить критику художественных произведений на анализе двух факторов: бессознательно-го творчества и критического понимания. Творец, который сам становится читателем – индивидуальное творчество. Читатель (слушатель), который становится творцом – народное творчество. В народном творчестве до нас доходит книга, органически слитая с ее собственными критиками (читателями).

В творчестве индивидуальном нашего времени – критика («самый интимный род исповеди» – критика индивидуалистическая) составляет необходимое дополнение к произведению: критика его внутренние отсветы – необходимые для истории литературы. <Л. 17>».

- О содержании лекции и её обсуждении сообщается в анонимном репортаже «В защиту пошлого человека» (Утро России. 1911. №45. 25 февр. С. 4):

«Лектор высказал много своеобразно-интересного, но, во всяком случае, парадоксального.

– Пошлых людей нет, – утверждает Марк Криницкий. – Есть только люди средние и слабые, созданные грубыми и тяжкими условиями жизни и за свой моральный облик неответственные, а потому и требующие к себе особого отношения. Лектор протестует против высмеивания пошлости, которое практикуется в литературе; сомневается в смехе Гоголя и называет карающий смех нечестным отношением к истине.

Вместе с этим лектор решительно отрицает идеализм в философии и искусстве, романтизм, восхваление "героев" и предвидит наступление новой эры. Эта эра даст в жизни торжество средним людям, в морали приведет к коллективной совести на место нынешней индивидуальной, а в искусстве утвердит метод биологический – беспристрастное расследование жизни. Тогда искусство сделается "новым Красным Крестом" для всех обессиленных, всех слабых.

Из официальных оппонентов пространно говорил М. А. Волошин в защиту индивидуального творчества и смеха. Отстаивал идеализм Н. Я. Абрамович. Интересно и местами метко возражал П. К. Иванов против отрицания романтизма.

Несмотря на всю свою парадоксальность, лекция, видимо, заинтересовала публику.

Аудитория была набита битком. Присутствовало много литераторов; среди них М. П. Арцыбашев».

- В другом анонимном газетном отчете («Беседа о пошлости» // Русские Ведомости. 1911. №45. 25 февр. С. 4) указывалось, что лектор «взялся за крайне неблагодарную задачу – защитить и оправдать пошлого человека» и выказал при этом «своеобразное понимание пошлости»: «Он как бы отбрасывает пошляков злостных, активновредных для общества, и оставляет в поле зрения лишь пошляков по неведению, обычных безобидных людей с невысокими умственными и нравственными запросами, не сознающих своего убожества. Часто он смешивает понятия пошлости и слабости и приглашает пожалеть пошляка, разглядеть в нем человеческие черты. < ... > В стремлении во что бы то ни стало защитить пошляка от общественного осуждения М. Криницкий зашёл так далеко, что отрицал смех, находил его ненужным; смех, по заявлению лектора, происходит от неглубокого проникновения в суть явлений, с другой стороны, обнаруживает холод сердца. < ... > Далее он впал в очевидное противоречие с высказанным им положением о поверхностности, холодности и нечестно-

сти смеха, так как поставил его в связь с идеалистическим настроением сатирика и юмориста, которые осмеивают несоответствие действительности идеалу. Далее лектор поразил аудиторию утверждением, что литература не должна применять к явлениям жизни и к отдельным человеческим типам нравственных оценок. Она должна рассматривать жизнь с чисто-фактической стороны и стараться объяснить явления, но не судить о них, и во всяком случае не судить отдельные личности. Нравственно может быть само общество, но не отдельный человек; личность должна быть оправдана. Цепь своих построений, лишенных необходимой внутренней связи, лектор закончил призывом понизить уровень нравственных требований к личности». Были охарактеризованы и выступления оппонентов: первый из выступавших, Волошин, «заявил, что согласен с основными положениями лектора, и однако говорил очень долго, цитировал, по обыкновению, новых французских авторов, утверждал, что римское право создавалось благодаря наслоению одной тупости на другую, хотя впрочем в результате получилось гениальное творение, и т.д. Н. Абрамович и П. Иванов, напротив, <...> указывали на невозможность устранить нравственные оценки <...>, что пошлость – вещь далеко не безобидная, и общество, как целое, и отдельная личность не может относиться к ней равнодушно, тем более её оправдывать». См. также иронический репортаж о лекции: <Подашевский П. А.> «В защиту пошлого человека» // Русское Слово. 1911. №45. 25 февр. С. 5).

- В том же году М. Криницкий пытался привлечь Волошина к сотрудничеству в московской газете для учащихся «Сириус». Судя по письму Криницкого к Волошину от 24 авг. 1911 г., последний предложил для газеты статью о Теофиле Готье, а также статью о живописи «Об основных принципах видения и рисунка» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1077), однако сотрудничество на этот раз не состоялось: в сентябре 1911 вышло в свет всего четыре номера «Сириуса», и на этом издание прекратилось.